

© 1990 г.

ДЕСНИЦКАЯ А. В.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ АЛБАНСКОГО ЯЗЫКА

(Сравнительно-исторический
и социально-исторический аспекты)

Албанский язык перестает, наконец, быть пасынком исторического языкознания. Проблема его происхождения начинает входить в круг вопросов индоевропеистики, по крайней мере в той степени, в какой это затрагивает родственные связи албанского с другими и.-е. языками. Не может остаться в стороне и типологически ориентированное балканское языкознание.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопросов, относящихся к происхождению албанского языка, необходимо уточнить значение используемых ниже терминов. В свое время мной была предложена следующая периодизация истории албанского языка [1, 2]:

I. П р о т о а л б а н с к и й п е р и о д (= праалбанский язык). Имеется в виду и.-е. язык, некогда составивший основу позднейшего албанского. Основной круг исследований в области протоалбанской, или праалбанской, проблематики составляют вопросы: родственные связи праалбанского с расходящимися членами позднейиндоевропейской языковой общности; древние (добалканские) места расселения протоалбанцев и их миграция на Балканский п-ов; положение протоалбанского внутри палеобалканского лингвистического комплекса. *Terminus ad quem* — римское завоевание балканских областей, иначе говоря, начало I тыс. н. э.

II. Д р е в н е а л б а н с к и й п е р и о д охватывает I тыс. н. э. Это было время албано-римских, албано-ранневизантийских и албано-раннеславянских языковых контактов. Внутри этого значительного временного отрезка могут быть выделены раннедревнеалбанский и позднедревнеалбанский периоды.

III. С р е д н е а л б а н с к и й п е р и о д. Этот этап албанской языковой истории, как и древнеалбанский, не документируется текстами. Хронологически он может быть приурочен к первой половине II тыс. н. э. — ко времени существования дотурецких феодальных княжеств на территории Албании.

IV. Н о в о а л б а н с к и й п е р и о д — с конца XV в. по настоящее время. Внутри этого периода, относительно хорошо известного как по письменным текстам, так и по результатам сравнительно-исторического изучения диалектов, может быть дополнительно выделено ранненовоалбанское состояние — с XV до конца XVIII столетия.

Эта периодизация не встретила возражений. Однако предложенные термины, особенно применительно к двум более ранним ступеням, последовательно не применялись. Даже автору указанной периодизации случалось иногда употреблять термин «древнеалбанский» вместо терминов

«протоалбанский» или «праалбанский» именно в тех контекстах, где шла речь о собственно доисторическом этапе языкового прошлого албанцев. В настоящее время я считаю принципиально важным четко различать понятия и термины «протоалбанский» (= «праалбанский») и «древнеалбанский».

Это представляется необходимым в связи с тем, что вопрос касается здесь не просто хронологического различия между двумя периодами развития одного и того же языка, но качественного различия двух его состояний, изучение которых составляет две совершенно различные области исследования. Можно говорить о двух качественно различных уровнях исследования, каждому из которых соответствуют различные ряды фактов. Вопрос этот имеет непосредственное отношение к решению проблемы происхождения албанского языка.

На уровне протоалбанского состояния предметом изучения является его унаследованная индоевропейская основа, довольно ясно выявляющая его принадлежность к древнеевропейской языковой области. На древнеалбанском уровне изучается становление собственно албанского как новоиндоевропейского языка, наделенного своеобразными особенностями языков балканского лингвистического ареала. Иначе говоря, предметом исследования является образование нового языка, происходящее на древней основе в условиях языковых контактов в романизованном языковом пространстве Балканского п-ова на протяжении первой половины I тыс. н. э.

Протоалбанский был, по всей вероятности, языком, сохранявшим еще индоевропейскую систему древних флексий. Формы его подлежат реконструированию путем сравнения с другими и.-е. языками, а также на основе применения методики внутренней реконструкции.

В сравнении с системой древнеиндоевропейских форм собственно албанская морфология предстает в сильно измененном виде и выглядит модернизированной. Такое ее состояние обнаруживается уже в самых ранних письменных источниках (XV—XVI вв.). С тех пор албанская языковая структура уже существенно не изменялась. Ко времени начала письменной традиции период коренных преобразований в языке лежал уже в далеком прошлом. Преобразования совершились в древнеалбанскую эпоху — в I тыс. н. э. Направление фонетических и морфологических процессов, которые в тот период разрушали и видоизменяли унаследованный облик индоевропейской структуры албанского языка, прослеживается средствами внутренней реконструкции. Так, можно видеть, что система индоевропейского основообразования в целом оказалась разрушенной, а унаследованные флексии оказались по большей части редуцированными. Отдельные их остатки, включенные в новые морфологические структуры, не всегда могут быть однозначно идентифицированы. Внешнее сходство некоторых албанских формативов с древними индоевропейскими флексиями часто оказывается иллюзорным, особенно если принять во внимание характерную для албанской морфологии омонимию окончаний.

С полным основанием можно утверждать, что албанский принадлежит к тем и.-е. языкам, которые довольно рано утратили древнюю систему флексий. Однако его особенность состоит в том, что, несмотря на все потери, дальнейшее развитие его не пошло по линии усиления аналитизма. Основным принципом внутренней организации албанской языковой структуры стала регенерация флективного строения, но с элементами аналитизма. Обновленная система флексий, образовавшаяся в древне-

албанский период, существенно отличается, однако, от унаследованной и не должна рассматриваться как возникшая в результате «склеивания» сохранившихся обломков старого. Сохранившиеся элементы индоевропейской системы флексий и системы индоевропейского основообразования оказались в албанском языке включенными в новые морфологические ряды, организация которых подчинена требованиям нового структурного целого. Таким образом, ни сохранения, ни восстановления унаследованной морфологической системы в албанском языке не наблюдалось.

Фонетические процессы древнеалбанского периода с наибольшей разрушительной силой действовали в системе именного формообразования. В этой области потери особенно чувствительны — полностью разрушенной оказались унаследованная система индоевропейских именных основ, большая часть падежных окончаний подверглась редукции. Обновленная система именных форм, очень сходная с восточнороманской (собственно с румынской), выглядит сильно упрощенной по сравнению с индоевропейской. Различаются (при этом только в единственном числе) всего два типа склонения, распределяющиеся в основном по грамматическим родам. Заметная вариабельность флексий (только в мужском роде) зависит от фонетического характера конечного звука основы. Для флективного формообразования как в системе албанского имени, так и в системе глагола особенно релевантным оказалось противопоставление гуттуральных и негуттуральных исходов основы.

С семантической стороны одним из основных различий, определивших в албанском языке всю систему именного формообразования, оказалось специфически «балканское» противопоставление определенных и неопределенных форм имени.

Как и во многих флективных языках, в албанском новые формы иногда создавались путем агглютинации. Однако своеобразной особенностью албанского формообразования явилось особенно широкое применение морфонологических процедур. Морфологизация фонологических оппозиций играла очень большую роль в процессе регенерации флективной системы, осуществившейся в древнеалбанский период. В качестве формообразующих элементов часто оказывались согласные, появившиеся в интервокальном положении при ликвидации зияния, что содействовало усилению и тем самым сохранению вокалических окончаний. Фонетические явления, возникавшие на границах слогов, а также на стыках слов, вообще играли очень большую роль в процессе исторического развития албанской морфологической структуры.

Временем действия указанных здесь процессов был древнеалбанский период. Именно поэтому недопустимо отождествлять и смешивать понятия «древнеалбанский» и «протоалбанский». Древнеалбанское состояние не может рассматриваться как одна из ступеней процесса последовательной эволюции языка, но как решающий период коренной ломки, коренного изменения языковых традиций, результатом которого явилось создание нового языка на почве романизованных областей прежней Южной Иллирии.

Таким образом, изучение протоалбанского (или праалбанского) и древнеалбанского языковых состояний относится к двум различным областям историко-лингвистического исследования. Протоалбанская проблематика относится к сфере индоевропейского сравнительного языкознания. Проблема древнеалбанского языка входит в круг вопросов исторической балканистики, и ее исследование не может быть изолировано от проблем истории романской речи на Балканах.

Само собой разумеется, что при изучении албанской языковой истории протоалбанское и древнеалбанское языковые состояния не могут рассматриваться в отрыве одно от другого. Реконструкция протоалбанского возможна лишь при опоре на исторически засвидетельствованные албанские языковые факты. С другой стороны, история собственно албанского языка получает свои исходные данные в индоевропейской сравнительной грамматике, через посредство реконструируемого протоалбанского состояния. Однако теоретически оба указанных уровня изучения истории албанского языка должны быть строго разделяемы.

*

В связи с предложенной периодизацией ниже рассматриваются некоторые вопросы, непосредственно относящиеся к изучению ранних этапов албанской языковой истории.

1. Протоалбанский принадлежал к палеобалканскому лингвистическому ареалу, примыкавшему к древнегреческой языковой области с северо-запада и с северо-востока. Было много споров о том, является ли албанский язык продолжением иллирийского или фракийского. Как от иллирийского, так и от фракийского не сохранилось текстов, и поэтому ни одна из этих гипотез не может быть с полной достоверностью верифицирована с помощью строго лингвистической аргументации. Отдельные глоссы и довольно богатая ономастика, хотя и не дают однозначного ответа на поставленный вопрос, позволяют, однако, существенно подкрепить одну из предложенных гипотез, а именно, иллирийскую, как это стало очевидным в последнее время [3—5]. Э. Хэмп показал, что в ее пользу говорят также скудные данные мессапского языка, который, по всей вероятности, относился к иллирийским [6].

Для решения указанной проблемы имеют определенную значимость экстралингвистические аргументы. Так как историческая область поселения албанцев соответствует южной части ареала расселения иллирийских племен, можно предполагать, что протоалбанский был одним из южноиллирийских диалектов. Такое предположение в свое время высказывалось Фр. Миклошчем, Г. Мейером, П. Кречмером и Н. Йоклем. В первой половине нашего столетия заметно преобладала, однако, гипотеза о фракийском происхождении албанцев и албанского языка, особенно после выхода в 1927 г. полемической статьи Г. Вейганда [7]. Решительным противником иллирийской гипотезы о происхождении албанского языка был Вл. Георгиев [8, 9].

В последние десятилетия теория иллирийского происхождения протоалбанского снова получила довольно широкое признание. Э. Чабей, В. Цимоховский, Э. Хэмп, В. Пизани подкрепили ее новыми аргументами. С исторической точки зрения специалистам-албанистам не стоило большого труда опровергнуть одно за другим большую часть возражений, выдвинутых против этой теории в 1927 г. Г. Вейгандом. Остался в силе лишь один чисто лингвистический аргумент, дающий основание сомневаться в принадлежности протоалбанского к иллирийским языкам. Речь идет о подчеркнутом еще в свое время Г. Хиртом расхождении между сатемным характером протоалбанского и предполагаемой принадлежностью иллирийского к лингвистической области *centum*. Однако с распространением и утверждением в современной компаративистике идей и методов ареального языкознания преодолемым оказывается и это противоречие.

Протоалбанский, как и протобалтийский, с которым у него были общими некоторые важные индоевропейские изоглоссы, отличался «непо-

следовательной сатемностью». Ассимиляции иногда не возникало там, где ее можно было ожидать. Такая непоследовательность может рассматриваться как результат депалатализации, возникавшей при некоторых фонетических условиях (например, в соседстве с сонантами *l*, *r*). Так происходило в словах, образованных от индоевропейского корня **k̑leu-* «слышать»: ранненовоалб. (и диалектн.) *kluhet* «он зовется, слывет» (= «слышится»), ср. литов. *klausyti*, др.-прусск. *klausiton*, лтш. *klausīt* «слышать», но ст.-слав. *sluti*, русск. *слыть*, русск. *слышать*. Ср. мессап. императ. *klaohi* «услышь!», лат. *clueō* «я зовусь, слышу», др.-в.-нем. *hlosēn* «слышать» и др. Ср. также алб. *mjekrë* «подбородок, борода», литов. *smākrās, smakrā* «борода», хет. *zama(n)kur* «борода», но др.-инд. *smacru* «борода».

Н. Йокль показал, что в албанском ассимиляция индоевропейских палатальных смычных произошла сравнительно поздно. Тождественность развития и.-е. **k̑* (палатальный) и **k* (велярный) перед *t* позволяет допустить, что в албанском индоевропейские палатальные довольно долго сохраняли эксплозивность [5, с. 90].

«Непоследовательная сатемность» может служить признаком переходной зоны, простиравшейся в центральной части индоевропейского языкового пространства. В этой переходной зоне могли локализоваться, помимо протоалбанского и протобалтийского, также иллирийский (с мессапским) и, возможно, фракийский. Тенденция к ассимиляции, будучи мощной инновацией позднеиндоевропейского периода, распространявшейся с востока на запад, постепенно ослабевала в переходной зоне. Непоследовательность в реализации этой тенденции давала картину смещения признаков *satəm* и *centum*.

Миграция иллирийцев из древнеевропейской области на Балканский п-ов может быть приурочена на основе новейших археологических исследований к периоду энеолита, примерно к III тыс. до н. э. Непрерывность пребывания албанцев в их историческом ареале с греко-римских времен хорошо подтверждается данными топонимики, как это убедительно показал Э. Чабей ([10]; см. также другие исследования Э. Чабея, собранные в [11]). Связь раннеалбанской культуры с южноиллирийской доказывается археологически [12].

Собственно ничто не противоречит тому, чтобы считать протоалбанский южноиллирийским диалектом. После длительных размышлений я нахожу возможным принять это в качестве рабочей гипотезы.

2. Отнесение протоалбанского к иллирийскому лингвистическому комплексу внутри протобалканского языкового ареала находится в полном соответствии с давно установленным фактом особых связей албанского с языками северной части индоевропейской общности, а именно с балтийскими, славянскими и германскими. Эта связь была впервые обнаружена Г. Мейером в конце прошлого столетия. Позднее И. Йокль, детально исследовавший албанскую лексику в ее историко-генетических и ареальных связях, развил и углубил наблюдения Г. Мейера. Йокль полагал, что специальные соответствия албанского, охватывающие, в частности, особую лексическую сферу (прежде всего это обозначения понятий, относящихся к примитивной обработке земли в лесных областях), свидетельствуют о том, что праалбанцы некогда проживали в соседстве с праславянами, прабалтами и прагерманцами в лесных областях северо-восточной части средней Европы [13]. К этому можно добавить, что это соседство должно было существовать в пределах древнеевропейской языковой общности.

Уместно привести здесь также мнение В. Пизани, который интерпретировал ареальные связи протоалбанского в аспекте относительной хронологии. Албано-германские, албано-балтийские и албано-славянские древние лексические соответствия восходят к наиболее раннему периоду; соответствия с фракийским, фригийским, армянским и греческим относятся к относительно более позднему времени [14, 15].

В результате специального исследования албано-германских и албано-балтийских древних языковых связей значительно расширилось количество фактов, относящихся к этой проблеме [16—18]. Особенно впечатляющими представляются протоалбанские и протобалтийские связи, привлекавшие к себе в последнее время особое внимание. Не говоря о важнейших фонетических изоглоссах, многие лексические соответствия выделяются своей характерностью. Например: алб. *ligë*, -a f. «болезнь» (<праалб. **ligā*), *i ligë* «больной; плохой» (<праалб. **ligas*), *i lightë* «бессильный, слабый» (<праалб. **ligustas*), ср. литов. *ligà*, лтш. *liga* «болезнь», литов. *ligustas* «больной»; алб. *mal*, -i m «гора» (<праалб. **malas*), ср. лтш. *mala* «берег»; алб. *mot*, -i m «год; погода» (<праалб. **mētas*), ср. литов. **mētas* «время», мн. ч.: *mėtai* «год»; алб. *i thjermë* «серый, пепельно-серый» (<праалб. **sirmas*), ср. литов. *širmas*, *šiřvas* «серый».

Яркие соответствия отмечаются также в суффиксах деривации. Таким образом, на уровне протоалбанского могут быть расширены наши представления об иллирийской ветви индоевропейского, что открывает еще один источник сведений о древнеевропейской языковой общности.

3. Возникновению древнеалбанского я посвятила недавно опубликованное специальное исследование [19]. Вопрос этот рассматривается в связи с местом, занимаемым в албанской лексике латинскими элементами.

В словарном составе албанского языка укоренилось со времени римского завоевания балканских областей большое количество слов латинского происхождения. Положение их в лексической системе равноправно с положением унаследованных ею протоалбанских элементов. И те и другие в одинаковой мере подверглись действию фонетических процессов, морфологических и семантических преобразований. И те и другие принадлежат к основной части албанского словаря.

Латинское происхождение имеют не только многочисленные албанские имена существительные, но также многие прилагательные, наречия, глаголы, отдельные числительные, предлоги, союзы, некоторые словообразовательные элементы. Отсутствуют, однако, морфологические заимствования. Все попытки обнаружить среди латинских элементов, проникших в албанский язык, грамматические форманты (такие попытки предпринимались Ф. Боппом и Г. Мейером) закончились неудачей.

Как уже было сказано выше, слой латинской лексики, закрепившийся в древнеалбанском языке в эпоху римского господства на Балканах, пережил коренные преобразования в рамках языковых процессов, которые привели к созданию на протоалбанской (собственно южноиллирийской) основе нового и.-е. языка — древнеалбанского. Латинские элементы приняли участие в этих процессах, которые, вероятно, носили в известной мере характер креолизации. Именно этим определилось характерное отличие латинских элементов в сравнении с другими иноязычными элементами албанской лексики. Помимо морфологической усеченности, обусловленной отпадением окончаний, их отличает также часто наблюдаемое полное изменение фонетического облика, делающее их почти неузнаваемыми. Например, гег. *rânë*, тоск. *rërë* «песок» <лат. *arēna*; гег. *vner*, тоск. *vrer* «желчь» <лат. *venēnum*; *kal* «лошадь» <лат. *caballus*, *gjel*

«петух» < лат. *gallus*; ар «золото» < лат. *aurum*; *kofshë* «бедра» < лат. *coxa*; *pus* «колодец» < лат. *puteus*; *kushëri* «кузен» < лат. *consobrinus*; *mik* «друг» < лат. *amicus*; *fqi* «сосед» < лат. *vicinus*; *ferr* «ад» < лат. *infernum*; *gaz* «радость» < лат. *gaudium*; *je* «вера» < лат. *fidēs*; *lier* «алтарь» < лат. *altare* и др.

Второй характерной особенностью латинского лексического слоя в албанском является его необычная семантическая широта, исключительное многообразие составляющих его элементов. Здесь можно лишь бегло перечислить отдельные сферы охватываемых им значений. Сюда входят: обозначения социально-исторических понятий, отношений родства; круг понятий, охватывающий человека, его части тела, его физические и духовные проявления; лексика, обозначающая природные явления; поселения и хозяйственную жизнь; домашнюю обстановку; орудия труда; флору (культурные и дикie растения); фауну (домашних и диких животных, птиц, насекомых); наименования абстрактных понятий; элементов духовной жизни; языческой мифологии; христианской религии и др. Глаголы и прилагательные латинского происхождения передают, по большей части, элементарные, повседневные действия и общезначимые качественные характеристики.

При непредвзятом рассмотрении качественной и количественной, семантической и формальной сторон латинского слоя албанской лексики совершенно закономерным является вывод о том, что этот слой принадлежит к основным, конституирующим элементам языка. Его проникновение в протоалбанский находилось в связи с известным историческим процессом романизации некогда иллирийских областей. В ходе этого процесса и образовался древнеалбанский язык, который приобрел свои собственные своеобразные черты и сменил разрушенный в результате креолизации иллирийский.

Процесс образования собственно албанского (древнеалбанского) языка можно представить в виде построения, имеющего в известной мере гипотетический характер. Основу древнеалбанского составили два иллирийских языковых слоя.

А. Сильно романизированный язык южноиллирийского населения тех частей современной албаноязычной территории, которые принадлежали к области интенсивной римской колонизации (преимущественно равнины и плодородные долины).

В. Лишь поверхностно затронутый римским влиянием язык полунезависимых горных иллирийских племен.

Ко времени падения Западноримского государства племена эти могли консолидироваться и вместе с полуроманизованным населением равнинных земель образовать древнеалбанскую народность. В результате слияния двух иллирийских языковых слоев — А (полуроманизованного) и В (относительно мало затронутого романизацией) — образовалась основа собственно албанского языка. Таким образом может быть объяснен субстратный характер латинских элементов албанской лексики.

Остается добавить, что процесс образования древнеалбанского языка должен был в основном завершиться в середине I тыс. н. э., т. к. славянские элементы, проникновение которых в албанскую лексику началось во второй половине I тыс., морфологически приспособлялись к уже сложившейся языковой системе, а в фонетическом отношении не претерпевали тех изменений, каким ранее подверглись латинские.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Десницкая А. В. Реконструкция элементов древнеалбанского языка и общепалканские лингвистические проблемы // Actes du I Congrès Intern. des études balkaniques et sud-est européennes. VI. Sofia, 1968, P. 190.
2. Desnitzkaja A. Zur Erforschung der älteren Stufen des Albanischen // Akten des Intern. albanologischen Kolloquiums, Innsbruck, 1972. Innsbruck, 1977. S. 213.
3. Çabej E. Hyrje në historinë e gjuhës shqipe // Çabej E. Studime gjuhësore. T. III. Prishtinë, 1976.
4. Cimochoowski W. Prejardhja e gjuhës shqipe // Buletin për Shkëncat Shoqërore. 2. Tiranë, 1958.
5. Jokl N. Albaner // Reallexikon der Vorgeschichte. Bd I. B., 1924.
6. Hamp E. P. Albanian and Messapic // Studies presented to Joshua Whatmough. 's-Gravenhage, 1957.
7. Weigand G. Sind die Albaner die Nachkommen der Illyrier oder der Thraker? // Balkan-Archiv. III. Leipzig, 1927.
8. Georgiev Vl. Albanisch, Dakisch-Mysisch und Rumänisch // Балканско езикознание. II. Sofia, 1960.
9. Georgiev V. Introduction to the history of the Indo-European languages, Sofia, 1981, P. 140—143.
10. Çabej E. Die Frage nach dem Entstehungsgebiet der albanischen Sprache // Z. für Balkanologie. 1974. X. Hf. 2.
11. Studime gjuhësore. IV. Prishtinë, 1977.
12. Anamali Sk. Des Illyriens aux Albanais // Studia Albanica. 1972. № 2.
13. Jokl N. Zur Vorgeschichte des Albanischen und der Albaner // Wörter und Sachen. 1929. XII. S. 69.
14. Pisani V. L'albanais et les langues indo-européennes // Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves. Bruxelles, 1950. X. P. 538.
15. Pisani V. Saggi de linguistica storica. Torino, 1959.
16. Десницкая А. В. Древние германо-албанские языковые связи в свете проблем индоевропейской ареальной лингвистики // ВЯ. 1965. № 6.
17. Десницкая А. В. Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984.
18. Desnitzkaja A. Das Albanische im Lichte der alten balkanisch-baltischen Sprachbeziehungen // Z. für Slawistik. 1984. XXIX. Hf. 5.
19. Десницкая А. В. К проблеме образования албанского языка и албанской народности. О латинских элементах албанской лексики // Десницкая А. В. Албанская литература и албанский язык. Л., 1987.